

Психоаналитик Дмитрий Ольшанский об отсутствии объективной реальности, шизофрении и инфантильности современного человека

Публика в России не дифференцирует такие понятия как психоанализ, психиатрия,

психотерапия и психология, зачастую мешая их ещё и в одну кучу с магией и целительством. Чем вызвано подобное восприятие и каково положение психоанализа в России сегодня?

Мировая статистика свидетельствует: до 40% пациентов, которые годами обращаются за терапевтической помощью к кардиологам, гастроэнтерологам и другим специалистам, нуждаются не во врачебной, а в психотерапевтической помощи.

Мне сложно говорить за весь психоанализ, но определенные предубеждения о том, что у нас нет психоаналитиков, безусловно существуют по той причине, что становление психоаналитика — довольно длительная процедура. Нужно делать дидактический анализ, нужно самому побывать в роли пациента. Естественно, что в Советском Союзе, где психоаналитиков не было и дидактический психоанализ делать было не у кого, практикующим аналитиком стать было невозможно. Поэтому психоанализ во многом стал прикладной дисциплиной. Но есть люди, пришедшие в анализ с клиническим интересом, осознающие границы между философией и анализом, а также необходимость дидактического психоанализа. У них уже был опыт работы в психиатрических клиниках с реальными шизофрениками, и в какой-то момент они поняли, что медицинские способы воздействия просто не работают.

Медицинские способы не работают, но разве психоанализ способен помочь шизофренику? Кажется, одним из симптомов шизофрении является непонимание того, что с тобой происходит, а если психоанализ дело добровольное, подвергать анализу шизофреника насильно мы не можем...

Все, чем мы обязаны знаниям о шизофрении, принадлежит шизофреникам. Исследования о шизофрении в психоанализе начались в 1911 году, когда Зигмунд Фрейд обратился к книге «Воспоминания невропатологического больного» Шребера. Этот человек был трижды госпитализирован с различными диагнозами, а во время второй госпитализации написал книгу о своем заболевании и попытке излечения посредством создания бреда. В определенном смысле он передал послание *urbi et orbi** "Если кто-то из врачей сможет понять, что со мной происходит, будет здорово; я сам не могу". До сих пор любое исследование о шизофрении отсылает к этой книге Шребера.

Шизофрения — одно из самых распространённых психических расстройств на земле. Ей страдает 1% населения земного шара.

Люди вообще предпочитают не знать, что с ними происходит: это верно и для

психотиков, и для невротиков. Сопротивление самоанализу не является специфической чертой шизофрении, для невроза это куда более распространено. Реально страдающий человек не может не замечать, что он страдает. Для невротика гораздо проще все списать на обстоятельства жизни или факт, что встретил "не того человека". А ситуация, когда не можешь соприкоснуться с реальностью иначе, чем с помощью своего бреда, для самого человека очевидна, и он обращается за помощью.

Что же касается взаимодействия психоанализа и шизофрении, можно вспомнить Лакана, который более пятидесяти лет работал в психиатрической больнице. Да, конечно, шизофрения не лечится, но она не лечится и медикаментозно. Однако психоанализ может позволить человеку использовать свой недуг; например, известны случаи, когда шизофреники становились поэтами и художниками в ходе психоанализа. Те психиатры, с которыми я общаюсь, делятся, что у них просто нет возможности всех выслушать. Они не понимают, о чем говорят шизофреники. Шизофреникам очень часто требуется человек, который будет говорить с ними говорить и их понимать, и часто им оказывается именно психоаналитик.

А тому, кто шизофренией пока не страдает, но каждодневно испытывает метафизическую тошноту, как быть? Вот вам не кажется, что избежать диктата власти можно лишь ускользая от определенной идентичности, отказываясь от любой этнической, религиозной, сексуальной, идеологической идентификации?

Что вы подразумеваете под "властью"?

Собственно, государственный аппарат.

И как власть вам насаждает бисексуальную ориентацию, например?

Хорошо, попробуем без терминологии: как возможно следовать своим желаниям с одной стороны и не стать их заложником, с другой, и вообще нужно ли это?

А как вы отличаете свои желания от желаний власти? Когда вы приходите что-то

покупать, то как отличаете тот сахар, который именно вам нужен, от того, что насаждает вам реклама? Вы говорите о диктатуре желания, потом о собственном желании.

И все-таки: как не стать рабом собственных желаний?

Это очень сложный вопрос. Я приведу один пример из жизни своего друга. Он пытается купить сок в супермаркете со словами "мне больше всего нравится такой-то сок, но это же не мое желание, это реклама вдолбила, что я его должен купить, поэтому я не буду покупать то, что хочу — это не мое истинное желание". Получается, ты как апулеев осел не можешь ничего выбрать потому, что за тебя уже все "похотели", и ты ненавидишь этого Большого Другого. Классический пример обсессивного невроза. Я ему говорю: "Да тебе просто нужен жестокий Господин, который тебя постоянно траблит".

Ну, а если не отвлекаться на примеры, как бы вы лично описали текущую реальность? Что бы ответили Фассбиндеру на слова "не можешь изменить реальность, опиши ее"?

Ответил бы словами Маркса: "Хватит болтать о реальности, измени ее". На самом деле, вы ведь понимаете, что это невозможный вопрос. Реальность не нуждается в описании. Определенные грани реальности можно выразить языком и, в общем, поэтому Лакан переходит на более позднем этапе своего творчества от просто интерпретации к проблеме "реального" и реальности и говорит о том, что ты должен сделать что-то такое, что изменит психическую реальность.

Только психическую?

А есть еще какая-то?

Кто-то утверждает, что существует реальность объективная и, надо признаться, небезосновательно..

Да, это интересный вопрос. Мне часто говорят: мол, ты там, у себя в голове можешь думать все, что угодно, а потом когда выйдешь на улицу, и тебя треснут доской, поймешь, что такое объективная реальность. Конечно, но ведь боль — абсолютно субъективное ощущение. Например, под гипнозом ее не ощущаешь. А когда ты страдаешь, ты и есть субъект. Фрейд писал, что боль показывает границы меня самого: она вроде бы приходит извне, но ощущаю я ее внутри. Например, ребенок, который впервые испытывает голод и зовет маму криком, устанавливает таким образом границы собственного тела — вроде бы голод у меня внутри, но мне нужен кто-то извне, кто сможет его утолить.

Возвращаясь к вопросу о желании и насущном: помогает ли психоанализ обрести себя хотя бы отчасти, если почти доказано, что обрести себя можно только умирая?

В третьем квартале 2010 года социальная сеть Facebook стала лидером по количеству увиденной медийной рекламы среди Интернет-пользователей США.

Психоанализ позволяет человеку потерять себя наиболее интересным образом. Существует множество способов, помогающих себя собрать. Вы привели пример с властью, которая действительно предоставляет возможности себя собрать через идентичность, через религию, философию и пр. Психоанализ — одна из немногих практик, которая допускает в мире человека пустоту и бессмыслицу. Мы не можем позволить себе тратить время, заниматься глупостями, одним словом, ощутить свободу от смысла. Того, что вы назвали властью. Найти себя как раз совсем несложно. Вот сегодня открыли новый торговый комплекс, и он весь завешен рекламой, в которой ты видишь себя. От зубных щеток до одежды ты весь там. Купишь зубную щетку — проблема исчезнет. Масс-медиа и масс-культура устроены тем же образом: всюду я нахожу себя. Мне должно нравиться или не нравиться на выставке, у меня нет выбора, потеряться негде. Если перенести это на политическую власть, получается то же самое. Я должен проголосовать за того, кого уже выбрали, и это касается не только России.

Вы ходите на выборы?

Да, хожу.

Как же тогда обозначаете для себя свою позицию? Зачем вообще голосуете?

Именно потому, что это бессмысленно. Я бы не хотел уходить в подполье и делать вид, что от меня ничего не зависит. Занимаю стоическую позицию: делаю все, что от меня зависит в данном случае. То, как я участвую в политической жизни, и составляет мою форму презрения к тому, что у них происходит. Если бы я совсем не ходил на выборы, это было бы бОльшим уважением по отношению к власти, или если бы я на полном серьёзе принимал участие в этих играх — это было бы попросту наивно. В одном рассказе Довлатова есть такой диалог. Седьмого ноября приятель ему говорит: сегодня большой коммунистический праздник, и сегодня мы пить не будем, потому что все пьют. На что Довлатов отвечает: за что это им такое уважение? Каждый день пьем, а сегодня не будем.

А где вообще заканчивается психоаналитик и начинается человек? К примеру, склонный к суициду анализант прерывает сеансы и не отвечает на звонки, как долго ждет психоаналитик. Его подобная ситуация должна вообще волновать?

Конечно, это очень индивидуально. Если это яркий эротизированный перенос, и человек каждый день говорит: я так жду вашего звонка, это один момент. Вообще, мне в голову приходит мысль о том, что психоаналитик должен занимать позицию здравого смысла, и тут же эта мысль вызывает во мне протест. В то же время не стоит занимать параноидальную позицию, пытаюсь контролировать пациента. Если есть гуманистический посыл у психоанализа (хотя, не думаю, что он есть), то безусловно психоанализ учит брать ответственность за то, что с тобой происходит, а не сваливать вину на «обстоятельства» и «предрасположенности». Мне часто говорят, что психоанализ избаловал общество. Современный человек предельно инфантилен, он не может позволить себе пронести, как раньше, проблему через всю жизнь. Проблему необходимо устранить, чтобы стать хорошим покупателем, потребителем, налогоплательщиком.. Но психоанализ работает с людьми, которые готовы взять на себя ответственность. Человек понимает: это моя проблема, я ее создал, я ее решаю, а вы мне помогаете.

Кто ваши любимые режиссеры?

Бергман, Тарковский, отчасти Гринуэй. Они не снимают завершённое кино, готовое для потребления, а всегда оставляют островок пустоты внутри кадра. В процессе работы они делают что-то с самим собой (это такой субъективный эксперимент), передают зрителю свою нехватку. Произведение искусства должно обнаружить то, чего у меня нет, создавать событие, которое не попадает ни в категорию «нравится», ни в категорию «не нравится», найти принципиальное насовпадение субъекта с

самим собой - в этом его функция. Когда подобное событие происходит с самим режиссером, это достойно внимания.

Это можно сказать о многих хороших режиссерах...

Кто такие "хорошие" режиссеры? Что такое хорошо? Как отличить хорошее от плохого? Однажды меня спросил об этом трехлетний ребенок, и я не знал, что ему ответить.

**Urbi et Orbi — Городу и к Миру (лат.)*